

**МАША
ТРАУБ**

Читайте книги Маши Трауб:

ЛЮБОВНАЯ АРИТМИЯ
О ЧЕМ ГОВОРЯТ МЛАДЕНЦЫ
Я НИКОМУ НИЧЕГО НЕ ДОЛЖНА
ВСЯ LA VIE
СЕМЕЙНАЯ КУХНЯ
ЛАСТОЧ...КА
ЗАМОЧНАЯ СКВАЖИНА
НЕ ВСЯ LA VIE
ПЬЯНАЯ СТЕРЛЯДЬ
ТЕТЯ АСЯ, ДЯДЯ ВАХО И ОДНА СВАДЬБА
ДНЕВНИК МАМЫ ПЕРВОКЛАССНИКА
ПАДШАЯ ЖЕНЩИНА
ДОМИК НА ЮГЕ
ОСТОРОЖНО – ДЕТИ! ИНСТРУКЦИЯ ПО ПРИМЕНЕНИЮ
СОБИРАЙСЯ, МЫ УЕЗЖАЕМ
СОНЯ И АЛЕКСАНДРА
ПЛЮС ОДИН СТУЛ
ЧУЖОЙ
СЧАСТЛИВАЯ СЕМЬЯ
ИСТОРИИ МОЕЙ МАМЫ
НАША ДЕВОЧКА
ПЛОХАЯ МАТЬ
ШУШАНА, ЖУЖУНА И ДРУГИЕ РОДСТВЕННИКИ
ВТОРАЯ ЖИЗНЬ
ПРОДАЕТСЯ ДОМ С ДЕДУШКОЙ
УВАЖАЕМЫЕ ОТДЫХАЮЩИЕ!
ВТОРОЙ РАЗ В ПЕРВЫЙ КЛАСС
НА ГРАНИ РАЗВОДА
ЛИШНИЕ ДЕТИ
ЛЮБОВЬ СО СТРАННОСТЯМИ И БЕЗ
ВСЕГДА КТО-ТО ПЛАТИТ
МОЯ БАБУШКА – ЛЕРМОНТОВ
БЕДАБЕДА
ИЛИ Я СЕЙЧАС УМРУ ОТ СЧАСТЬЯ
ПОЛНОЕ ОЗОМЛЕНИЕ
ПЛОХАЯ ДОЧЬ
НЕ МАМКАЙ!
НЕВОЗВРАТНЫЙ БИЛЕТ
КОЛЬЦО ИЗ ФОЛЬГИ
ВСЕ, ЧТО ПРОИЗОШЛО В ОТЕЛЕ
БАБУШКА, КОТОРАЯ ХОТЕЛА СТАТЬ ДЕРЕВОМ

МАША ТРАУБ

Бабушка, которая
хотела стать деревом

Москва
2024

УДК 821.161.1-3
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Т 65

Оформление серии и переплета: *Александр Кудрявцев*,
студия графического дизайна «FOLD & SPINE»
Иллюстрация на переплете *Ирины Ветровой*

Трауб, Маша.

Т 65 Бабушка, которая хотела стать деревом / Маша
Трауб. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с.

ISBN 978-5-04-194898-6

В этих рассказах любые совпадения с реальностью неслучайны. Хотя, казалось бы, как бабушка может стать деревом? Какая мистическая сила может вынудить трезвомыслящего человека потерять в незнакомом городе и изменить представления о своей судьбе? Как можно запланировать собственную смерть, провалить собственные похороны и снова начать радоваться жизни? Но это все — наша с вами самая обычная жизнь в ее калейдоскопическом разнообразии и ошеломляющем неправдоподобии, но неправдоподобии лишь кажущемся.

УДК 82-3
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-04-194898-6

© Трауб М., 2024
© Оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

Одна живая девочка

Моей дочери два года. Маленькая девочка с косичками. Она стояла в прихожей и смотрела на меня очень внимательно, строго, не улыбаясь. Указательный и средний пальчики на правой руке переплела. И поджала пальчики на ногах, как птичка на веточке, — это у нее такая привычка. Я вдруг вспомнила. Хотя что значит — вспомнила? Я и не забывала ту ночь. И вряд ли когда-нибудь забуду.

Необязательно находиться на краю гибели, чтобы вся жизнь промелькнула перед глазами. Для этого достаточно носить ребенка.

Мы с мужем очень хотели эту девочку. Она была нам очень нужна. Я все делала для того, чтобы она родилась здоровой. Страхи беременной женщины — это что-то чудовищное. Они идут изнутри, из утробы, и с ними ничего нельзя поделать. Потому что невозможно заглянуть внутрь живота и посмотреть в глазки — больные? Невозможно потрогать лобик и ручку — горячие? Меня мучили два страха — гипоксия и резус-конфликт. Так было с сыном, кото-

рого я сохраняла всеми возможными и невозможными способами: мальчику не хватало воздуха, он задыхался, а мой организм не хотел его принимать, считал чужим. Я и мозгами, и душой отказывалась понимать, как такое вообще может быть. И почему это случилось именно со мной? Сына я выносила, вылежала, выпросила у всех богов, в которых готова была в тот момент поверить.

С девочкой — а я уже знала, что это девочка, — все складывалось хорошо: ни гипоксии, ни резус-конфликта благодаря появившейся за минувшие годы вакцине. Ей было хорошо, она росла и развивалась. Сосала пальчик, била ногой мне в ребра, выставляла пятку, которая просвечивала сквозь живот. Или это была не пятка, а голова или попа?

Я поехала на очередное обследование — плановое УЗИ. Врач водила по животу, размазывая холодный гель, и хмурилась.

— Что там? — замерла я.

— Все хорошо, — ответила она таким тоном, каким врачи говорят «хорошо», когда очень-очень плохо. Она ушла и вернулась с коллегой. Коллега смотрел в монитор и хмурился. Я запомнила, что у него на пальце был перстень. Большой золотой перстень, который мне совсем не понравился. Даже раздражал.

— Да? — спросила его врач, которая вела мою беременность.

— Угу. — Доктор без тени сомнения ткнул пальцем в экран.

— Что там? — повторила я.

Одна живая девочка

Доктор с перстнем вышел — мол, объясняйся со своей беременной сама. Я в тот момент почему-то сосредоточилась на деталях, совершенно неважных и ненужных. Моя врач младше меня на несколько лет, у нее рыжие волосы, она красивая молодая женщина и так посмотрела на своего коллегу, что у них наверняка мог бы случиться роман. Или уже случился. Почему-то тогда я думала не о себе, не о том, что они увидели на мониторе, а о том, как она снимает халат, надевает джинсы и идет в кафе с этим доктором — смеется его шуткам, улыбается собственным мыслям и строит планы на будущее. И почему-то тогда мне совсем не хотелось, чтобы она шла с ним в кафе и строила планы — он слишком категоричный, жесткий, властный. И еще этот дурацкий перстень. Этот мужчина ей совершенно не подходит. Она добрая, нежная, не растерявшая эмпатию. А еще умная.

— Завтра утром приезжайте еще раз. К восьми утра. Здесь будет врач, которая на этом специализируется. У нее глаза хорошие. Она видит то, чего никто не видит, — услышала я голос своего врача.

— Что там? Мне нужно знать, — настаивала я.

— Давайте завтра еще раз посмотрим... — Она не хотела мне говорить.

Я молчала и не вставала с кушетки. Из скудных медицинских терминов, которые я бы никогда не смогла повторить, поняла, что у моей девочки что-то с головой. С мозгом. И возможно, она не родится. А если и родится, то больной. Умственно отсталой.

— Пожалуйста, только не залезайте в интернет. Не надо ничего читать. Приедете домой, погуляйте и ложитесь спать. Утром все будет понятно. Не опаздывайте, — сказала врач, и я еще раз убедилась, что эмпатия все же свойственна умным людям. Дураки на это не способны.

До дома я ехала с включенной аварийкой в крайнем правом ряду. Боялась, что вообще не доеду.

Мужу я сказала, что завтра нужно съездить к другому врачу, убедиться, что все хорошо. Я знаю, когда он волнуется за меня, начинает потирать ребра под сердцем. И в этот момент я понимаю, насколько сильно он меня любит. Иногда я прошу его сказать мне «хоть что-нибудь». Он не понимает, что говорить, когда вон там, под ребрами, начинает ныть. И сердце колотится как молот. И вдохнуть тяжело. Зачем нужны слова? Я знаю, что он отдаст руку, ногу, почку, всего себя, лишь бы были здоровы я и дети — сын, который никак не мог осознать, что в животе у его мамы сидит еще один человечек, и эта маленькая девочка уже все умела: и улыбаться, и хмуриться, и чувствовать.

Я не стала включать компьютер. Как велела врач, погуляла и рано легла, будто от четкого соблюдения рекомендаций могло что-то измениться. Уснуть не получалось. У меня оставалась ночь, чтобы принять решение. Вариантов было два — если диагноз подтвердится, беременность нужно прерывать. Если нет — пить витамины, читать журналы про материнство и кормить белочек в парке. Имелся еще один ва-

риант — не верить врачам, аппаратуре и надеяться на чудо. Почему-то мне казалось важным принять решение именно в тот вечер, в ту ночь. И быть готовой ко всему. Проблема была в том, что я не верю в чудеса. В достижения науки, в квалификацию врача верю, а в чудеса... Не знаю. Мне всегда хочется найти рациональное объяснение.

Сначала я мысленно разговаривала с мамой, советовалась. Почему-то в трудные моменты мы друг другу не звоним, а предпочитаем общаться мысленно. Мама до сих пор разговаривает с бабушкой, спрашивает совета. Бабушки давно нет в живых, а мама каждый вечер говорит ей: «Добрый вечер, мама. Как ты? Как твое здоровье?» И дальше рассказывает о делах — что посадила ромашки, что внук придет на каникулы, что нужно дом покрасить.

«Мама, что мне делать?» — спросила я, глядя в потолок. «Не знаю, Манечка, не знаю, — ответила мама. — Ты уже большая, умная, ты все правильно решишь». — «Ты тоже через это прошла!» — «Что ты, совсем другое время было».

Мама ходила беременная, ждала меня. И вдруг днем на работе сорвалась с места, никого не предупредив, и поехала в Институт акушерства и гинекологии, который находился в двух автобусных остановках от ее работы.

— Мне нужно, — заявила она в регистратуре.

— Женщина, у нас с улицы не принимают! — воскликнула медсестра.

— Меня примете, — оборвала ее мама.

У нее есть уникальные способности, мне они не передались. Мама чувствует и умеет убеждать людей. Она всегда добивается того, что ей нужно в конкретный момент. Может, это разновидность гипноза, может, ей попадаются внушаемые люди, может, это от нее исходят такие импульсы, что проще согласиться.

Мама вдруг почувствовала, что я не шевелюсь. Прислушалась, подумала и поехала в этот институт. Она знала одно — только там есть специальный прибор, который приставляют к животу, и он транслирует удары сердца. Передает звук. В трубку, которой ее прослушивала врач, мама не верила, а этому почти мифическому аппарату — верила. Ей казалось, что она непременно должна услышать, как бьется мое сердце. Своими ушами, а не ушами доктора.

Ее действительно приняли, и она услышала, как бьется мое сердце.

— Все равно что-то не так, — не успокаивалась она.

Профессор, которая подключала к ее животу аппарат, оказавшийся обычной черной коробочкой, уверяла, что «все так». Но мама не верила. Наверное, ей коробочка не понравилась. Я ведь тому доктору с перстнем тоже не поверила. Исключительно из-за перстня.

Через два дня мама ехала из библиотеки в автобусе, с книжками, перевязанными бечевкой, — она писала диссертацию. Автобус шел мимо роддома.

— Остановите, остановите! — закричала она водителю.

Одна живая девочка

— Не положено, — ответил тот.

— Мне положено, — проговорила мама твердо и посмотрела ему в глаза. Он нажал на тормоз, так что все стоящие люди чуть не попадали. Только мама стояла как вкопанная. Она вышла и направилась в роддом.

— Сейчас я буду рожать. За книжками моими присмотрите. Они библиотечные, — велела она медсестре.

Та посмотрела на нее как на сумасшедшую и возмущенно зататорила:

— Женщина, вы вообще из какого района? Где ваша карта? Какой срок?

— Я вообще к вам, идите за врачом. — Мама зыркнула на медсестру так, что она побежала туда, куда ее послали.

Я родилась через полтора часа. Восьмимесячная. Недоношенная. Доктор смотрел на маму с интересом, а медсестра прижимала к груди стопочку ее книжек.

— Если возьмет грудь — выживет, — сказал маме врач. — А пока в кювез.

В этот момент я открыла глаза и посмотрела на маму, а она на меня.

— Грудь возьмет. Выживет, — пообещала то ли мне, то ли врачу мама.

И опять оказалась права.

Пока я была в кювезе, мама сцеживалась. Молока оказалось много, грудь наливалась и болела. У маминной соседки по палате не было молока, и ее ребенок, мальчик, плакал, а женщина, тоже заливаясь слезами,

терзала свою пустую грудь. Мама встала, подошла к ней, забрала ребенка, он жадно присосался к огромной груди и зачмокал. Его мать продолжала плакать. Мама кормила ее сына все положенные часы кормления. Все дни, что они провели в роддоме. Медсестра приносила сверточек и сразу отдавала его маме. Она заранее мыла грудь над раковиной, вытирала полотенцем и прикладывала чужого ребенка. Малыш разъел соски, и после кормления мама мазала грудь зеленкой — тогдашним средством «от всего». После кормления отдавала ребенка его матери, и та качала спящего сытого сына, капая на пеленку слезами.

При этом мама со своей соседкой по палате почти не разговаривали. Даже совсем не разговаривали. Мама всегда так себя ведет, когда думает или очень волнуется — замолкает, немеет. Женщина приняла это молчание и не лезла с разговорами. Со стороны это, конечно, смотрелось странно — молчаливое кормление, передача ребенка, слезы у одной и плотно сжатые губы у другой. Но им было наплевать на всех остальных мамочек, которые болтали, обсуждали мужей и свекровей, перебирали имена для новорожденных. Мама и ее соседка по палате понимали друг друга без слов и вели молчаливый диалог. Соседку выписывали раньше. Мама нацедила для нее две бутылочки «в дорогу», и еще несколько пакетиков лежали замороженные в холодильнике в коридоре. Должно было хватить, пока не купят смесь.

Муж соседки привез на выписку конфеты, коньяк и цветы для медсестер и врачей.

Одна живая девочка

— Скажи — что? — спросила женщина у мамы, потому что уже поняла, что деньги, духи и все остальное она не возьмет.

— Билет в СВ, — ответила мама. Билеты тогда можно было только «достать», а об СВ — только мечтать.

— Куда? — уточнила женщина.

Мама назвала место, которое было отмечено не на каждой карте.

— Будет, — пообещала женщина.

Мама кивнула и передала ей сына, которого покормила в последний раз.

Через неделю она проснулась, посмотрела в больничное окно, потом на тумбочку, где лежал билет, и решила, что нам пора. Она пошла к врачу и сказала, что забирает дочь и едет домой. Врач отвлекся от бесконечной писанины и снял очки.

— Ну знаете... — развел он руками. — Таких рожелиц в моей практике еще не было. Вы хоть понимаете, что рискуете здоровьем своего ребенка? Что у нас температурный режим, что она на капельнице? Не пуцу.

— Пустите. Под расписку обязаны. — Мама была непреклонна. Врач с ней не спорил. Тоже, кстати, удивительный факт. Впрочем, они друг друга поняли еще в тот момент, когда она меня рожала. Маме понравились очки доктора, перевязанные в том месте, где дужка, веревочкой.

— Почему вы новые очки себе не купите? — спросила она между схватками.

— Не хочу. Мне эти нравятся, — ответил врач.

Мама всегда вспоминала, что у того доктора были очень красивые морщины, круги под глазами, которые ему удивительно шли, и теплые руки.

— Он тебя так держал, когда ты родилась, будто сокровище, — рассказывала она мне. — Было видно, что ты ему нравишься. Он тебя рассматривал, как картину.

— Девочка красавица, как мама. И характер такой же, — объявил он, кладя меня ей на живот. — Очень своевольная девочка.

— Доктор, а у вас есть дети? — спросила мама.

— И дети, и внуки. Только я им не нужен. Они уже взрослые. А вот этим, — он одним пальцем погладил меня по голове, — нужен.

Мама написала расписку: «Получила одну живую девочку. Дата, подпись» — именно в такой чудовищной формулировке — и поехала домой. Из дома она позвонила своей маме, моей бабушке, которая жила далеко, в северокавказском селе, и сказала, что приедет. Не одна, с внучкой. Бабушка, которая собиралась к маме на роды через месяц, упала в обморок рядом с телефоном.

В селе все новости разлетаются быстро. К тому моменту, когда мама вышла из вагона — поезд стоял две минуты, — все было готово к ее приезду. Меня положили в узенькую деревянную люльку с прорезью, куда вставлялась баночка для мочи. Люлька была выложена овечьими шкурками для тепла.

Дома у бабушки, помимо люльки, лежали выстиранные и выглаженные пеленки. На столе горой —

погремушки, рукавички, чепчики, одеяла. Отдельной стопочкой сложены ползунки и распашонки. Все принесли соседи.

Рождение ребенка... То, что может сделать маленький человечек, не может сделать никто. Когда мама зашла в дом, там сидела бабушкина двоюродная сестра — тетя Варя. Они с бабушкой не разговаривали десять лет, хотя жили в пяти минутах ходьбы друг от друга. Это была давняя обида, о причине которой никто не помнил. В памяти остались какие-то дурные, глупые обвинения, слова, сказанные в запале. На самом деле они любили друг друга, только не знали, как помириться. Каждая боялась, что сестра не примет, не простит.

Все двое суток, пока мама ехала в поезде, тетя Варя мыла, стирала, гладила. Она пришла к бабушке, кивнула ей, повязала фартук и начала готовить дом. Она же принесла огромную, набитую пухом подушку для меня. Подушку сшила заранее: перебирала пух, сушила, встряхивала, строчила наволочку. Хотела подарить бабушке сначала на день рождения, потом на Новый год, но все не решалась. Она так и пришла — с подушкой в обнимку.

На этой подушке я засыпала мгновенно, после чего меня перекладывали в люльку.

Тетя Варя приносила отвары и собранные в пакетик ромашку и череду — чтобы купать, чтобы не было опрелостей, чтобы животик не болел, чтобы сон был спокойным. Только тетя Варя умела иглой